

УДК 398.22

ПРОРИЦАНИЕ СУБРА-ЖЫРАУ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Ф.И. Урманчиев, доктор филологических наук, профессор

По случаю приезда Субра-жырау Токтамыш-хан по распространенной давней традиции решил провести большой пир, для чего построил множество белых царственных юрт, пригласил всех уважаемых мужей ханства, богатырей, баев и др. Подготовили бочками меда. При этом хан назначил Идегея раздатчиком меда, что считалось почетной обязанностью при ханском дворце. Когда Субра-жырау угостили тремя чашками меда, мудрый певец немедля начал свои прорицания-пророчества. И сразу же можно отметить, что пророчества Субра-жырау от начала до конца основаны на древних и глубоко положительных традициях тюркского эпоса, о чем прежде всего свидетельствует их форма, напоминающая распространенную в тюркском эпосе толгау:

*Если помчится конь, торопясь,
Выйдет пот из бегуна.
Выйдет из белого хлопка – бязь,
Выйдет слово от мудреца.
Я же гляжу на суетный свет
Сто девяносто пять лет,
Расшатались, исчезнуть спеша,
Кости, зубы мои и душа.
Чтоб не упала, в белый шелк
Завязана моя щека;
Из такого, как я, старика,
Какой же может выйти толк?
Аи, какой же может выйти толк?*

Эти слова Субра-жырау, почти полностью состоящие из мудрых афористических стихов, созданных в стиле творчества импровизаторов-чичянов, с

самого начала овладевают вниманием слушателей. О том, что его слова основываются на традициях древних чичянов, говорит и сам Субра-жырау:

Говорят, говорят: «слова скажи». Говорят, говорят: «стихи скажи». Но что вам скажу, что вам сложу. Но что же вам в усладу пойдет, и что же мне в награду пойдет?

На эти слова хан, по обычаю, обещает певцу-импровизатору многое: соболью шубу, охотничьего сокола, красавицу лучше ханских дочерей Хайеке и Кюнеке. Единственная просьба хана – чтобы певец раскрыл ему, кто же такой Кубугыл. Как и принято в традициях тюркского эпоса, Субра-жырау не собирается сразу ответить на волнующий хана вопрос. Чтобы выяснить, кому же должен ответить и чего достойны сидящие перед ним, он сначала испытывает Джанбая и Идегея, Джанбая и Токтамыша, рассказывая им некоторые случаи из ранней истории монголо-татар. После очень краткого и, очевидно, приблизительного ответа Джанбая певец с тем же вопросом обращается к Идегею. Показательно, что Идегей обнаруживает прекрасное знание истории своих предков, подробно рассказывает о ней, дополняя то, чего Субра-жырау недоговаривал (возможно, специально). После такого ответа Субра-жырау дает очень высокую оценку уму и проницательности молодого Идегея. Испытание богатырей продолжается. Субра-жырау предлагает им чашку меда и спра-

шивает: кто из них осмелится выпить первым. Пока Джанбай раздумывает, Идегей берет чашку и выпивает мед. По этому случаю «Весело воскликнул Субра, – старый прорицатель мудрец: «Вот он, истинный молодец, вот он, оказывается, – батыр. Ты, оказывается – батыр» [44, 53]. Видя смелость и решительность Идегея, Субра-жырау задает ему один из самых опасных вопросов: что бы сделал он, если бы был другом хана? И что – если бы был его врагом? На этот коварный вопрос Идегей дает очень ясный, безусловно, безбоязненный ответ:

Дружбу выявить захочу – На чубарого я вскочу, На враждебную рать полечу, И враждебную рать растопчу, И добычу я захвачу, Дань богатую получу, Хану ее поспешу отдать, Буду хану во всем угождать. Если вражду проявить захочу, Я на чубарого бодрого вскочу, Ястребом на дворец налечу, Ястребом хана в когти схвачу, За народ ему заплачу: Голову ему откручу, Голову его превращу В разодранную овцу, Шапку сделаю из нее, – Шапка будет мне к лицу. Отниму у хана казну И народу ее верну. Если же слова я не сдержу, Пусть буду я в прах поверженный сын. Пусть я прозвание заслужу: «Отца своего отверженный сын».

Даже только из этих слов Идегея видно, тем более это становится ясно Субра-жырау, да и обыкновенный слушатель прекрасно понимает, что перед ним человек исключительный, смелый, мужественный. Он не боится трудностей, опасностей. При необходимости, безусловно, может противостоять хану. Эти качества присущи многим героям эпических сказаний. В связи с этим резкие ответы Идегея, кроме всего прочего, подчеркивают его ум, проницательность, самоуверенность и в известном смысле жестокость, что, кстати, неоднократно подчеркивается в дастане, его большое интеллектуальное развитие. Он прекрасно знает подробнейшие детали истории своего народа и ханства. Кажется, что все

дальнейшие предсказания и пророчества Субра-жырау основаны именно на этих глубоких высказываниях самого Идегея. Мудрость и проницательность старого певца заключаются в том, что он на основе небольших, но значительных вопросов сумел выяснить самые важные качества Идегея. К тому же ведет он диалог так, что постоянно создает возможности сопоставить ответы тоже умного и проницательного, одновременно хитрого и коварного Джанбая с ответами Идегея. После этого певцу Субра-жырау нетрудно дать общую характеристику двух богатырей, притом – отнюдь не противопоставляя их друг другу. В Джанбае старец подчеркивает его мужество, умение выходить в бой и отстаивать свою честь и честь своего хозяина. Поскольку Джанбай – прекрасный чичян-импровизатор, может дать умные советы хану, что подтверждается всем ходом развития действий дастана и поведением Джанбая при этом; по словам Субра-жырау, хан, безусловно, может рассчитывать на постоянную и неизменную поддержку Джанбая.

Гораздо подробнее и детальнее оспаривается Субра-жырау на характеристике Идегея. И это вполне естественно. Потому что хан знает своего преданного визиря Джанбая, верит ему и в его преданности не сомневается. Другое дело Идегей, известный хану под именем Кубугыла.

После всех приведенных повествований, связанных с испытаниями богатырей, Субра-жырау начинает, пожалуй, говорить о главном. Последующая часть его песни связана с ответом на основной вопрос Токтамышша, да и большинства представителей ханского дворца. Перед ответом на него Субра-жырау дает общую и весьма емкую характеристику Идегея, постоянно подчеркивая единство, гармонию его внешнего облика и внутреннего, духовного мира. Так, певец сравнивает его с волком. Следовательно, он должен быть смелым и мужественным. Далее подчеркивается, что он, судя по

выразительности его лица и губ, должен быть чичяном-импровизатором, как и большинство других героев тюркоязычных сказаний: Коркут-ата, Алпамыш, Кер-оглы и другие:

Младший воин перед ханом стоит. Вот он, с волчьим станом стоит. Ноги крепкие у него, Руки цепкие у него. Он – татарин, видать по всему, Аи, татарин, видать по всему. Речи звонкие у него, Губы тонкие у него, – Красноречив, видать по всему. Сияют, как месяц, волосы, Пальцы – как медь, как звезды – глаза, Статен, красив, видать по всему. Длинная шея, широкая грудь, Сделаны руки, чтобы лук натянуть, – Меток в стрельбе, видать по всему, Грозен в борьбе, видать по всему.

Весьма интересным является обращение Субра-жырау к истории Золотой Орды. Как это обычно в изложении истории различных народов, начинается он с повествования о легендарном прошлом ханства. В связи с этим в его песни появляются имена таких правителей, как Башлык-хан, Абыл-хан, имена которых не засвидетельствованы историческими документами. При этом певец-импровизатор опирается, естественно, не столько на данные истории, сколько на традиции тюркского героического эпоса, где некоторые из приведенных имен являются достаточно популярными. Например: Кара-хан, Ал-хан и некоторые другие.

Постепенно певец все ближе подходит к реальной действительности и начинает говорить о ханах исторических, таких как Томавил-мэрген, который изображается как дед Чингиза, Яучы-хан, Баянду-хан, Саин-хан, Берке-хан, Узбек-хан, который был ханом Золотой Орды в 1312-1342 гг. В период правления Узбек-хана Золотая Орда переживала период наибольшей стабильности, даже расцвета. Не остаются без внимания певца и такие ханы, как Тинибек, Джанибек, Бирдибек – сын Джанибека. Как раз в период правления чрезвычайно жестокого

Бирдибека, который ханствовал в середине XIV в., начинаются та смута и бесконечные смены ханов и правителей, которые продолжались до эпохи Идегея и Токтамышша, да и в этот период не были прекращены.

Поскольку Субра-жырау исполняет свою песнь во дворце хана Токтамышша, заканчивает он эту часть повествования именами деда и отца Токтамышша, и в нескольких словах говорит о его детстве и начале правления. Тем самым певец как бы завершает вторую часть своей песни, посвященной истории Золотой Орды и так или иначе связанной с родословной одного из ведущих героев сказания – с Токтамышханом. Надо заметить, что эта часть повествования дает очень многое для правильного понимания и объективной оценки как самого Токтамышша, так и его деятельности.

Однако песнь Субра-жырау была бы односторонней, если бы она ограничилась изложением официальной политической истории Орды. Поэтому, естественно, в дальнейшем певец обращается к другой, быть может – более важной части песни, которая уже связана с образом главного героя – Идегеем. Мудрый певец-импровизатор начинает эту часть песни с повествования о богатырях всего тюркско-монгольского мира, начиная с истории Древней Монголии, продолжая Средней Азией и заканчивая Средним и Нижним Поволжьем. Певец говорит о том, что за свою долгую жизнь он увидел десять богатырей древних монголов на берегу реки Онон^а. Среди них самым могущественным был один – Кук батыр:

Если бы ты знал, как древен мир. Жил на Уняни Кук-батыр. Самый сильный из десяти, – Равных ему нигде не найти. Радуга есть меж небесных дуг, – Равен радуге был его лук. Прозван небесным Богатырем, В синий целился оком, В небо стрелял батыр иногда – Падала на стреле звезда. Воистину Кук-батыр велик:

Я – знавший его старик.

В данном случае речь идет о богатыре – персонаже героико-мифологического эпоса, о чем говорит само сравнение его лука с радугой, с явлением небесным. Об этом же свидетельствует и имя героя – Кук батыр, то есть – Богатырь-небо. Однако еще более интересны следующие слова из песни Субра-жырау: «Когда он стрелял из этого лука, исчезала звезда на небе». Эти слова заставляют вспомнить знаменитого героя древнекитайской мифологии – меткого Стрелка И. Самый трудный и знаменитый его подвиг был связан с тем, что неожиданно на небе появилось десять солнц, отчего на земле невозможно стало жить. Тогда Стрелок И начал уничтожение лишних солнц: «Он вновь и вновь без устали натягивал лук, и стрелы летели в солнца». Так на небе осталось лишь одно солнце и возродились нормальные условия жизни.

Далее Субра-жырау обращается к богатырям Средней Азии, Аму-дарьи и Сыр-дарьи и говорит о пяти знаменитых богатырях, некогда живших здесь. Самым могущественным среди них был Тау-батыр (Богатырь-гора. Богатырь с таким именем представлен и в татарских народных сказках). Одним ударом он мог разрушить гору. Врагов уничтожал беспощадно.

Из четырех богатырей Яика и Иде-ли ему запомнился батыр по имени Утчагыр алмас, что в переводе значит – и пушка не возьмет. Так Субра-жырау подробно характеризует могучих и непобедимых богатырей, с которыми ему приходилось встречаться. Художественная функция всех этих эпизодов связана с желанием певца подчеркнуть, что при всем том:

Многих властелинов я знал, Многих я исполинов знал. Сто девяносто пять лет Я гляжу на суетный свет. Многих батыров я пережил, Многих я пережил владык, Но такого, как муж Кубугыл,

Я – никогда не выдавший старик.

Все приведенные данные и описание портрета, которое мы цитировали

чуть ранее, говорят о том, что Идегей – не просто один из витязей хана Токтамышша, что речь идет о человеке особенном, незаурядном, о чем говорят его следующие черты: Идегей – не простой человек из этого мира, он – происхождения потустороннего или даже божественного; он – могучий богатырь, какого 195-летний Субра-жырау ни разу не встретил за свою долгую жизнь; сила, мощь и мужество прежних богатырей не могут идти ни в какое сравнение с мощью Идегея; он статен, красив, у него – лучистое, божественное или пророческое лицо; он – чичьян-импровизатор, мудр и проникателен; смел и мужествен, бесстрашен, очевидно – беспощаден к своим врагам. Все это значит, что вступать с ним в борьбу, единоборство чрезвычайно опасно. Также опасно стать его врагом. Здесь можно отметить, что эта характеристика Идегея, данная певцом Субра-жырау, во многом очень близка к характеристике исторического Идегея Ибн-Арабшахом, который, как отмечалось, тоже, возможно, основывался на устных источниках.

К приведенной весьма выразительной характеристике Идегея надо добавить, что в варианте М. Госмана певец дает Токтамыш-хану очень серьезные наставления. Старец предупреждает хана, что он зря роет яму Кубугылу, что в нее может попасть сам; что нельзя бороться против Идегея, что хан делает это неправильно, что от этого пострадает и он сам, и вся его Орда; что Идегея-Кубугыла в свое время спасли от неминуемой гибели, а что вот тебя, хан, никто не будет спасать и ты пропадешь, – говорит Субра-жырау. Насколько нам известно, хан не послушался наставлений певца-прорицателя, предсказания которого потом полностью сбылись.

В каждодневном быту многих тюркских народов распространен такой обычай, по которому прежде чем человеку сообщать какую-либо неприятную, тем более трагическую весть, его соответственно психологически

готовят, чтобы трагическая весть не оказалась неожиданностью. Так, все приведенные выше отрывки из песни Субра-жырау служат подготовке Токтамыша к восприятию печальных пророчеств о его будущем. Лишь после этого Субра-жырау переходит к самой серьезной и опасной части своего повествования и говорит, чего же может Токтамыш-хан ожидать от Кубугыл-Идегея. По словам певца, Кубугыл прежде всего угонит все табуны лошадей хана. Затем он совершит нападение на его Орды: «Выберет иву батыр удалой, ту, что воткнута в песок, выберет веревку с петлей, – твоих быстроногих коней, угон скота совершит Кубугыл». Токтамыш-хан должен ожидать от Идегея-Кубугыла и многих других бед: в будущем он перережет всех его овец, чтобы прокормить своих воинов; отберет весь его мед, чтобы их напоить; разгромит столицу хана; захватит все его золото (речь идет, вероятно, о всех богатствах хана).

У тебя Орду отнимет он, хан, На твой престол накинёт аркан. Темные твои волосы Посесть заставит он. Мутные твои глаза Покраснеть заставит он. Жили здесь твои отец и дед, Но тебя, хан Токтамыш, Он прогонит на старости лет Разрежет он твою ступню, Волосами ее набьет.

Многое в прорицаниях Субра-жырау отражает практически все реальные события в жизни Токтамыша, на чем мы далее специально и подробнее остановимся. Здесь же отметим, что, судя по этому отрывку, Токтамыш-хана в будущем на самом деле ожидают самые тяжелые испытания. Одновременно следует отметить, что и в этой части песни Субра-жырау вдохновенно, убедительно и с широким эпическим размахом воспроизводит события реальной исторической действительности. Но никак не отступает от общего эпического стиля дастана и почти полностью основывается на традициях тюркского героического эпо-

са. Обратим внимание на некоторые примеры. Скажем, такой же эпизод, в котором говорится о возможности расчленения Идегеем ступни хана, имеется и в ряде других национальных версий: например, башкирской. Здесь уместно вспомнить следующий эпизод из либретто М. Джалиля к опере Н. Жиганова «Алтынчяч», основанного на сюжете народно-героического сказания. Казанский хан Мамед, расправившись с многочисленным родом Тугзак-эби, уничтожив всех ее сыновей и внуков, старуху Тугзак – главу рода, не убивает, но ослепляет, рассекает ее ступни и одинокую, слепую и израненную, отпускает в степь на долгие мучения. К этим эпизодам сам поэт, позже Р. Мустафин дают такое примечание: «Согласно древнему жестокому обычаю, побежденным, чтобы не могли уйти далеко, рассекали ступни и насыпали соль». Действительно, подобные картины встречаются в произведениях народного эпоса, что является, конечно, отражением конкретных фактов. Говоря о расправе героя когда-то усыновленным, но забывшим свои обязанности Ултаном, эпос «Алпамыс» в его казахской версии сообщает: «мстя за прежние обиды отца, Алпамыс вырезал Ултану уши и прорезал ступни» [2, 10]. В каракалпакской народной поэме «Сорок девушек» подробно рассказывается о расправе бая Аллаяра над пастухом:

Лучше бы за грош вы его Уступили другим, чем зря Жечь да резать, злобой горя. Твой отец подошвы его Приказал пожарами рассечь, И огнем его спину жечь, И повесить на трех жердях, На всех четырех ветрах Семь недель качался пастух. (Пер. Тарковского).

Возвращаясь к эпосу «Идегей», отметим, что, судя по пророчеству Субра-жырау, большие несчастья ожидают и родственников Токтамыш-хана: его жена Джанике, прекрасные дочери Ха-неке и Кюнеке будут взяты в плен Идегеем. Сам хан в конце концов будет убит в схватке с ним же:

*Плетка шею твою рассечет.
Кровью грудь твою истечет.
Венценой твоей голове
Этот муж окажет почет:
С плеч ее отсечет
Ужели я не знаю людей,
Этот батыр, Кубугыл, –
Сын Кутлукии – Идегей.*

Подводя некоторые итоги рассмотрения песни Субра-жырау, скажем, что в композиции ее в книжной версии соблюдена непрерываемая логика. Кажется, поет эту песнь, вернее – импровизирует по законам тюркского эпического стиха не умудренный долголетней жизнью старец-прорицатель, а обыкновенный, но чрезвычайно умный и многоопытный певец. Очень важно при этом подчеркнуть, что Субра-жырау «не гадает», «не угадывает», не шаманит и не колдует, чтобы выяснить, кто же такой Кубугыл. Он не прибегает к каким-либо магическим

действиям, предметам, к таинственным мудрым книгам или сутрам: ничего загадочного и необъяснимого в песне Субра-жырау нет. Певец при помощи глубоких, логически выдержанных размышлений, сопоставлений, сравнений своим пронизательным умом и многолетним опытом определяет, кто же такой стоящий перед ним Кубугыл.

И с точки зрения художественной логики развитие главы дастана, посвященной песне Субра-жырау, в высшей степени выразительно и убедительно. Это одна из самых лучших глав сказания не только в смысле художественном, но и в развитии сюжета. Именно после песни Субра-жырау, которая в сущности выяснила всю «таинственность», «загадочность» поведения Кубугыла-Идегея, начинается настоящая и жестокая схватка между Идегеем и Токтамышем, хотя назревание ее чувствовалось давно – она непременно должна была произойти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Онон – название реки и страны в Монголии. В переводе, на наш взгляд, неудачно названо **Унянь**.

Аннотация

В статье речь идет об одном из главных персонажей дастана «Идегей» - прорицателе-сказителе Субра-жырау, который определяет не только основное направление развития сюжета, но и судьбы основных героев дастана.

Ключевые слова: дастан, сказитель, прорицатель, судьбы, песнь.

Summary

The article considers one of the leading personages of 'Idegei' foreteller and narrator Subra Jyrau who defines not only the main direction of the development of the plot but also the fates of the main characters.